

Производство «чужих»

Что представляет из себя Закон об «иноагентах» с позиции социолога? Да ничего хорошего (в том числе для государства)

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

07:11, 14 мая 2026,

Алексей Семенов-Труайя

социолог

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Часть 1.

Вместо нормативного акта — диагноз

Представьте себе закон, который определяет «иностранное влияние» как «воздействие на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами». Вы не ослышались: убеждение — то, чем занимаются учителя, врачи, писатели, друзья и родители, — здесь стоит в одном ряду с принуждением. Это не оговорка и не юридическая неточность. Это — диагноз.

Федеральный закон № 255-ФЗ от 14 июля 2022 года «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» — один из тех нормативных актов, которые заслуживают не только юридического, но и антропологического внимания. Что говорит о системе управления закон, который не может провести границу между легитимным и нелегитимным воздействием? Что происходит с государством, которое видит угрозу в самом факте коммуникации своих граждан с внешним миром?

Эти вопросы выводят нас за пределы чистой юриспруденции — в область социологии управления, где законы рассматриваются не только как инструменты регулирования, но и как симптомы состояния управляющей системы.

Анатомия понятия: что такое «иностраный агент»?

Начнем с того, что обычно пропускают, — с буквы закона. Статья 1 определяет иностранного агента как «лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность», виды которой перечислены в статье 4.

Обратите внимание на союз «и (или)». Он означает, что для признания «агентом» не требуется получение денег или имущества. Достаточно «находиться под иностранным влиянием в иных формах». Каких?

Статья 2 поясняет: под иностранным влиянием понимается «предоставление иностранным источником лицу поддержки и (или) оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами».

Остановимся. «Иными способами» — это юридическая формула, охватывающая все. Любой контакт с иностранцем может быть квалифицирован как «воздействие иным способом».

Прочитанная иностранная книга? Посещенная лекция? Полученное письмо? Закон не исключает ничего.

Но кто такие «иностранные источники»? Статья 3 перечисляет: иностранные государства и их органы, международные организации, иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные структуры, их уполномоченные — и, что особенно примечательно, граждане Российской Федерации, получающие что-либо от перечисленных источников.

Вдумаемся: ваш сосед, получивший гонорар от иностранного издательства, становится «иностранным источником». Его совет вам — «иностранное влияние». А вы, последовавший этому совету и написавший об этом в блоге, — потенциальным «иностранным агентом».

Какая вообще была цель

Официально закон направлен на обеспечение «прозрачности» и «контроля». Но контроль чего? И прозрачность для кого?

В социологии управления различают два типа правового регулирования. Первый — функциональный: закон решает конкретную проблему. Существует угроза — закон ее нейтрализует. Второй — символический: закон создает видимость решения проблемы или сам конструирует проблему, которую затем «решает».

К какому типу относится 255-ФЗ?

Если бы целью была защита от реального иностранного вмешательства — шпионажа, подкупа должностных лиц, финансирования терроризма — для этого существует Уголовный кодекс. Статьи 275 (государственная измена) и 276 (шпионаж) никуда не делись. Закон об «иностранных агентах» сам признает это, оговаривая, что его нормы применяются «при отсутствии признаков преступлений».

Иными словами,

закон не борется с преступлениями, а регулирует то, что преступлением не является. Он создает промежуточную категорию — не преступник, но и не вполне полноценный гражданин. Не враг, но и не совсем свой.

Немецкий юрист Карл Шмитт в работе «Понятие политического» (1927) определил сущность политики как различение «друга» и «врага». Политическое, по Шмитту, начинается там, где проводится эта граница — не обязательно между государствами, но между «своими» и «чужими» внутри

любого сообщества.

Закон об «иностранцах» — это инструмент такого различия. Но с одной особенностью: он создает не бинарную оппозицию, а градиент подозрительности. «Иностранец» — не враг (враг сидит в тюрьме). Это потенциальный враг, человек под вопросом, гражданин с астериском.

Запретить спор

Вернемся к формулировке «путем принуждения, убеждения и (или) иными способами». Почему законодатель поставил убеждение в один ряд с принуждением?

Классическая политическая философия проводит между ними фундаментальное различие. Убеждение апеллирует к разуму и свободной воле. Принуждение — к страху и зависимости.

Убеждение оставляет человеку право сказать «нет».

Принуждение этого права лишает.

Фото: Евгений Павленко / Коммерсантъ

Макс Вебер в работе «Политика как призвание и профессия» (1919) определил государство как организацию, обладающую «монополией на легитимное физическое насилие». Но Вебер знал и другое: легитимность власти держится не только на насилии. Она держится на согласии, на признании, на том, что люди добровольно подчиняются, потому что считают это правильным.

Как добиться такого согласия? Убеждением. Аргументацией. Демонстрацией результатов. Всем тем, что современная социология называет «мягкой силой».

Теперь представьте систему управления, которая воспринимает чужое убеждение как угрозу, эквивалентную принуждению. Что это означает?

Это означает, что система не уверена в собственной способности убеждать. Она не верит, что может предложить гражданам картину мира более привлекательную, чем та, которую предлагают конкуренты. Она заранее проигрывает в споре — и потому стремится запретить спор.

Диагноз: дефицит проектной компетентности

В социологии управления различают несколько типов компетентности власти:

- **Проектная компетентность** — способность формулировать привлекательный образ будущего и убеждать людей в его достижимости.
- **Операционная компетентность** — способность эффективно решать текущие задачи, поддерживать работающие институты.
- **Охранительная компетентность** — способность защищать статус-кво, подавлять угрозы существующему порядку.

Здоровая система управления сочетает все три. Но их соотношение меняется в зависимости от ситуации и — что важнее — от состояния самой системы.

Система, теряющая проектную компетентность, компенсирует эту потерю наращиванием охранительной. Не умея увлечь — она начинает запрещать. Не умея убедить — начинает маркировать тех, кто убеждает иначе.

Закон об «иностранцах» — это институциональное признание такой потери. Когда убеждение становится «воздействием», а разговор с иностранцем — основанием для попадания в реестр, мы наблюдаем не силу власти, а ее слабость. Силу, которая не может позволить себе конкуренцию идей.

Реестр как ритуал

К декабрю 2025 года в реестре «иностраннных агентов» числилось более 1100 позиций. Журналисты, правозащитники, ученые, врачи, блогеры, актеры. Что объединяет этих людей?

Формально — признаки, указанные в законе. Фактически — публичная позиция, расходящаяся с официальной. Минюст не скрывает, что одним из оснований для включения в реестр является «распространение сведений» о решениях власти, которые ведомство считает «недостовверными».

Здесь мы видим любопытную инверсию. В классическом понимании «агент» — это тот, кто действует по заданию иностранной державы. Шпион. Резидент. Человек с четкими инструкциями и источником финансирования.

В логике 255-ФЗ «агентом» становится тот, чьи высказывания совпадают с позицией, которую можно атрибутировать иностранным источникам. Не действие по заданию, а совпадение позиций. Не получение инструкций, а «нахождение под влиянием».

Мишель Фуко описывал подобные механизмы в концепции «дисциплинарной власти». В отличие от суверенной власти, которая карает и милует, дисциплинарная власть классифицирует и нормализует. Она не столько наказывает преступника, сколько производит категории «нормального» и «девиантного».

Реестр «иностраннных агентов» — инструмент такого производства. Он создает публичную категорию людей, которые не вполне свои. Не преступники — но и не нормальные граждане.

Люди с пометкой. С предупреждением.

Закон как источник тревоги

Одно из фундаментальных требований к закону — правовая определенность. Человек должен иметь возможность до совершения действия понять, является ли оно запрещенным.

255-ФЗ этому требованию не отвечает — и, похоже, не стремится отвечать. Формулировки настолько широки, что под них можно подвести практически любого человека, имеющего контакты с внешним миром.

Является ли это юридическим дефектом? Или — особенностью конструкции?

В социологии права известен феномен «законов, написанных для избирательного применения». Такие законы намеренно формулируются размыто. Их функция — не в том, чтобы автоматически применяться ко всем, кто под них подпадает. Их функция — в создании возможности применения. В любой момент. К любому.

Фото: Василий Шапошников / Коммерсантъ

Такой закон действует даже тогда, когда не применяется. Он создает фоновую неопределенность, заставляющую людей самоограничиваться. Не потому, что им что-то запретили, а потому, что они не знают, что именно запрещено. И предпочитают не рисковать.

Это то, что Фуко называл «интериоризацией надзора»: власть достигает своих целей не через постоянный контроль, а через создание ощущения возможного контроля. Человек начинает контролировать себя сам — потому что не знает, наблюдают за ним или нет.

Парадокс суверенитета

Официальная риторика закона апеллирует к суверенитету. Защита от «иностранного вмешательства». Обеспечение «национальной безопасности».

Но что такое суверенитет? В классическом понимании — это способность государства самостоятельно принимать решения. Быть субъектом, а не объектом международных отношений.

Суверенитет сильного государства выражается в его способности выдерживать внешнее влияние, перерабатывать его, адаптировать к собственным нуждам. Открытость не угрожает сильному — она его усиливает. Идеи, технологии, практики приходят извне, но преобразуются внутри и работают на внутренние цели.

Суверенитет слабого государства — это попытка изолироваться от внешнего влияния. Не переработать, а отгородиться. Не конкурировать, а запретить конкуренцию.

Закон об «иностранных агентах» — это инструмент второго типа суверенитета. Он не делает систему сильнее — он пытается сделать внешний мир дальше. Не победить в конкуренции идей — а исключить эту конкуренцию.

Власть не уверена в себе

Любой закон — это не только регулятор, но и сообщение. Он говорит что-то о тех, кто его принял. Что говорит о власти закон, который:

- приравнивает убеждение к принуждению;
- видит угрозу в контакте граждан с внешним миром;
- создает категорию «не вполне своих» граждан;
- формулирует нормы так, чтобы сохранить возможность их избирательного применения?

Он говорит о власти, которая не уверена в себе. О системе управления, которая утратила способность предлагать привлекательный проект будущего и компенсирует эту утрату наращиванием контроля. О государстве, которое перешло от логики убеждения к логике маркировки.

Федеральный закон № 255-ФЗ — это не просто нормативный акт. Это — диагностический инструмент. Он позволяет увидеть состояние системы, которая его породила.

Мы видим систему, которая утратила доверие к собственной убедительности. Которая воспринимает чужое слово как оружие, а открытость — как уязвимость. Которая не умеет (или не хочет) отличать гражданина, думающего иначе, от агента, действующего по заданию.

Это не значит, что закон не «работает». Он работает — но на решение совсем другой задачи, чем та, которая заявлена. Не защита от реальных угроз, а производство лояльности через страх и неопределенность. Не укрепление суверенитета, а имитация силы через демонстрацию способности маркировать и исключать.

Такие законы — симптом. И как всякий симптом, они заслуживают внимания не столько сами по себе, сколько как указатель на болезнь.

Вопрос в том, готова ли система признать этот диагноз. Или предпочтет лечить симптом — добавляя в реестр все новые и новые имена.

Часть 2.

Почему молчит Конституция

Прежде чем говорить о правовых последствиях Закона об «иноагентах», введем аналитическую рамку, которая поможет

понять логику происходящего. Эта рамка — социальная термодинамика.

Социальная термодинамика (разрабатываемая, в частности, С. Переслегиным и его коллегами) вводит понятие социальной энтропии — или «инферно» — как меры социальной энергии, рассеянной в беспорядочные, непродуктивные формы. Это страдание, которое не ведет к развитию. Конфликты, которые не разрешаются. Напряжение, которое не трансформируется в работу.

Ключевой тезис:

в замкнутых социосистемах социальная энтропия не убывает. Общество, которое отгораживается от внешнего мира — от потоков информации, идей, людей, — обречено на накопление внутреннего беспорядка.

Не потому, что внешний мир несет только благо. А потому, что без обмена с внешней средой система не может сбрасывать накопленную энтропию и поддерживать свою структуру.

Теперь посмотрим на 255-ФЗ через эту оптику. Закон делает опасным любой контакт с внешним миром. Получил грант — под подозрением. Поговорил с иностранным журналистом — под подозрением. процитировал зарубежное издание — под подозрением. Что это, если не попытка замкнуть систему?

Но замкнутая социальная система не становится стабильнее — она становится больнее. Накопленное напряжение не исчезает оттого, что закрыты каналы его выражения. Оно лишь меняет форму: уходит в подполье, в эзопов язык, в психосоматику, в

тихий саботаж, в эмиграцию тех, кто еще может уехать.

Заклеить красную лампочку

В теории управления есть понятие обратной связи. Это информация о результатах действия, которая возвращается к субъекту действия и позволяет корректировать курс. Без обратной связи управление невозможно: вы рулите вслепую.

Обратная связь бывает положительной («вы на верном пути») и отрицательной («что-то пошло не так»). Для здоровой системы управления отрицательная обратная связь критически важна. Она сигнализирует о проблемах, которые еще можно исправить. Игнорирование таких сигналов ведет к накоплению ошибок.

Кто в обществе обеспечивает обратную связь? Журналисты, которые сообщают о проблемах. Правозащитники, которые фиксируют нарушения. Ученые, которые анализируют последствия решений. Гражданские активисты, которые артикулируют недовольство. Все те, кого закон об «иностранных агентах» маркирует и вытесняет из публичного пространства.

Фото: Александр Миридонов / Коммерсантъ

Посмотрите на реестр. Более тысячи позиций к концу 2025 года. Журналисты, правозащитники, исследователи, врачи, историки, культурологи. Что объединяет этих людей? Они создавали каналы обратной связи. Они говорили власти то, что власть не хотела слышать.

Закон 255-ФЗ — это инструмент блокировки обратной связи. Он не решает проблемы, о которых сигнализируют эти люди. Он устраняет сигнал о проблемах. Это как заклеить мигающую красную лампочку на приборной панели вместо того, чтобы остановиться и проверить двигатель.

В терминах социальной термодинамики: система пытается снизить видимую энтропию за счет подавления ее индикаторов. Но реальная энтропия от этого только растет — потому что ошибки не исправляются, а накапливаются.

Превентивный эффект: власть страха

Самое важное — это не прямые последствия для тех, кто уже в реестре. Самое важное — превентивный эффект для всех остальных.

Тысяча человек в реестре — это много. Но сто сорок миллионов — это больше. И эти сто сорок миллионов видят, что происходит с теми, кто попал в реестр. Они делают выводы.

Не стоит общаться с иностранцами — вдруг это «влияние». Не стоит критиковать власть публично — вдруг это «политическая деятельность». Не стоит участвовать в НКО — вдруг там иностранное финансирование. Не стоит даже читать материалы «иностраннных агентов» — а вдруг попадешь «под влияние»?

Это и есть «интериоризация надзора» по Фуко: власть достигает своих целей не через тотальный контроль (который невозможен), а через создание ощущения возможного контроля. Человек начинает контролировать себя сам.

Размытость формулировок закона — не баг, а фича. Чем непонятнее, где проходит красная линия, тем дальше от нее держатся люди. Чем шире потенциальная зона поражения, тем меньше желающих к ней приближаться.

Конституционный парадокс: буква против духа

Теперь — к главному вопросу. Статья 29 Конституции Российской Федерации гласит:

«1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова... 3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. 4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом...»

Как 255-ФЗ соотносится с этими нормами?

Формально закон не запрещает свободу слова. Вы можете говорить что хотите. Просто если вы «иностранный агент» — должны говорить это с плашкой. Вы можете получать информацию из любых источников. Просто если источник иностранный — это может стать основанием для вашего попадания в реестр.

Это классический прием: формальное соблюдение буквы при нарушении духа. Право не отбирают — его делают токсичным. Им можно пользоваться, но это будет стоить вам репутации, карьеры, социального статуса.

Конституция говорит: «Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них». Но что такое требование маркировать все свои высказывания как «произведенные иностранным агентом», если не принуждение к определенному способу выражения? Вы можете говорить — но только определенным образом. С определенной оговоркой. В определенной рамке.

Конституция говорит: каждый имеет право «свободно искать, получать, передавать... информацию». Но если получение информации от иностранного источника может сделать вас «иностранным агентом» — это ли свобода?

Правовая неопределенность

Еще один конституционный принцип — правовая определенность. Закон должен быть сформулирован так, чтобы человек мог понять, что именно запрещено, и выстроить свое поведение соответствующим образом.

255-ФЗ этому принципу не соответствует — и это не ошибка законодателя.

«Влияние в иных формах». «Иными способами». «Политическая деятельность» с определением, охватывающим практически любую публичную активность. Эти формулировки намеренно размыты. Они создают зону неопределенности, в которой решение о том, кто является «иностранным агентом», принимается не на основании четких критериев, а на основании усмотрения властей.

Это не закон равного применения. Это закон избирательного применения. Он применяется не ко всем, кто формально под него подпадает (а подпадают, при желании, почти все), а к тем, кого власть выбирает для применения.

По сути, закон становится инструментом политического контроля, облеченный в правовую форму.

Вернемся к социальной термодинамике. Что происходит с системой, которая блокирует обратную связь и закрывается от внешнего мира?

Она накапливает энтропию. Ошибки не исправляются — они множатся. Напряжение не сбрасывается — оно растет. Система становится все более хрупкой, при этом выглядя стабильной. Это обманчивое спокойствие — как тишина перед землетрясением.

Пригожин показал, что неравновесные системы могут долго находиться в метастабильных состояниях — но затем происходит «бифуркация», резкий переход в новое состояние. Какое именно — предсказать невозможно. Но чем дольше накапливалось напряжение, тем резче переход.

255-ФЗ — это попытка отсрочить бифуркацию за счет подавления сигналов о накоплении напряжения. Это может работать какое-то время. Но это не решает проблему — а лишь делает ее будущее разрешение более травматичным.

Закон как выбор

Закон об «иностранных агентах» — это выбор в пользу закрытости против открытости. В пользу контроля против доверия. В пользу маркировки против убеждения.

Этот выбор имеет цену. Для конкретных людей — это сломанные карьеры, вынужденная эмиграция, социальная стигматизация. Для общества — блокировка обратной связи, накопление нерешенных проблем, рост скрытого напряжения. Для государства — потеря тех, кто мог бы сделать его сильнее: ученых, журналистов, активистов, думающих людей.

Законы термодинамики — и физической, и социальной — неумолимы. Замкнутая система деградирует. Система, которая подавляет сигналы о своих проблемах, не решает эти проблемы — она их накапливает.

Вопрос не в том, изменится ли эта ситуация. Вопрос — как она изменится. Постепенно, через осознание издержек и коррекцию курса? Или резко, через бифуркацию, к которой никто не готов?

Закон об «иностранных агентах» — это ставка на первый исход? Или признание того, что первый исход уже недоступен?

Глава 3.

Жалоба Тимонова*

Теперь — конкретный случай. Живой человек, столкнувшийся с машиной закона.

7 января 2026 года бывший депутат Московской городской думы Михаил Тимонов подал жалобу в Конституционный суд Российской Федерации. Он оспаривает положения 255-ФЗ, на основании которых был признан «иностранным агентом». Одновременно аналогичные жалобы подали Борис

Вишнеvский* и Лев Шлосберг* — политики, также получившие этот статус.

Дело Тимонова — идеальный кейс для анализа. Не потому, что оно уникально — напротив, оно типично. В нем, как в капле воды, отражается вся логика (и вся абсурдность) закона об «иностранных агентах». Рассмотрим его внимательно.

Михаил Тимонов. Источник: Википедия

Фабула: как депутат стал «агентом»

Михаил Тимонов был избран в Московскую городскую думу в 2019 году — на тех самых выборах, которые сопровождались массовыми протестами и недопуском оппозиционных кандидатов. Он шел от «Справедливой России», но быстро вступил в конфликт с фракцией из-за голосования против бюджета.

До избрания Тимонов работал в избирательной системе: был наблюдателем, членом территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса, входил в экспертную группу ЦИК РФ. Иными словами — знал электоральную систему изнутри.

30 июня 2023 года Министерство юстиции включило Тимонова в реестр «иностранных агентов». Основание? Он дал два интервью изданиям, которые ранее были признаны «иностранными агентами». В частности — движению «Голос»*, занимающемуся наблюдением за выборами.

Обратите внимание: ему не вменялось получение денег. Ему не вменялось даже получение какой-либо материальной поддержки. Единственное «обвинение» — он говорил. Давал интервью. Выражал свое мнение.

По логике Минюста, «иностранный агент» предоставил Тимонову «площадку для высказывания своего мнения» — и тем самым «оказал поддержку». Следовательно, Тимонов «получил поддержку от иностранного источника». Следовательно, он сам — «иностранный агент».

«Что такое правда?»: диалог в суде

В декабре 2023 года Тимонов обжаловал статус в Мосгорсуде. Заседание, которое должно было быть рутинным, превратилось в философский диспут — благодаря судье Александру Пономареву, решившему выяснить мотивы истца. «Медиазона»* опубликовала стенограмму этого разговора. Он заслуживает того, чтобы его процитировать.

Судья: Зачем депутат Московской городской думы вступает в отношения, интервью дает «иностранному агенту»?

Тимонов: Я не усматриваю в этом ничего плохого!

Судья: Но зачем давать экспертное заключение «иноагенту»?

Тимонов: А есть какая-то разница? Я не усматриваю. Правду говорить можно кому угодно!

Судья: Что такое правда?

Этот вопрос — «Что такое правда?» — задается российским судьей российскому депутату в 2023 году. Не как риторическая фигура. Как допрос. Как требование обосновать само понятие истины.

Тимонов отвечает: «Правда — это объективная оценка происходящих событий».

Судья парирует: «Но вы говорите от своего имени. Почему тогда это объективная оценка? Объективно знаете что? То, что депутат Московской городской думы вступает в отношения с «иноагентом». И возникает вопрос, не находится ли он под влиянием «инострannого агента»».

Заражение через контакт

Разберем эту логику. Она важна, потому что это не частное мнение конкретного судьи — это логика закона.

- Статья 2 закона 255-ФЗ определяет «инострannое влияние» как «предоставление иностранным источником лицу поддержки и (или) оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами».
- Статья 3 определяет «иностранные источники». И здесь — ключевой момент. К «иностранным источникам» относятся не только иностранные государства и организации. К ним относятся также «граждане Российской Федерации, получившие денежные средства и (или) иное имущество от иностранных источников».

Что это означает? «Иностранный агент» — это «иностранный источник». Контакт с «иностранным агентом» — это контакт с «иностранным источником». Если этот контакт можно квалифицировать как «поддержку» или «влияние» — вы тоже становитесь «иностранным агентом».

Это логика контаминации. Заражения. Прикосновения. Статус передается, как вирус. Поговорил с «иностранным агентом» — заразился.

Тимонов точно формулирует абсурд этой логики: «По такой логике все высшие руководители России, дающие интервью иностранным журналистам, — иноагенты!»

И он прав. Логически — прав. Но закон не про логику. Закон про избирательное применение. Президент может давать интервью кому угодно — и это «дипломатия». Депутат дает интервью — и это «иностранный источник».

«Вы сюда пришли не по своей воле»

Диалог в суде продолжается. Тимонов пытается провести аналогию.

Тимонов: Вот я пришел сюда. Я вам излагаю свою позицию. Разве можно сказать, что я нахожусь под вашим влиянием?

Судья: Вы сюда пришли не по своей воле, правильно?

Тимонов: По своей. Это же я истец!

Здесь обнажается фундаментальное расхождение. Для судьи человек, пришедший в суд, пришел «не по своей воле» — даже если он истец. Потому что суд — это институт. Государственная процедура. Судья не может представить, что человек добровольно выбирает обращаться к государству.

А вот интервью — это «добровольный выбор». Это как «прийти в магазин» — выбираешь, куда пойти. И именно поэтому это подозрительно. Если ты сам выбрал дать интервью «иноагенту» — значит, ты сделал политический выбор. А политический выбор в пользу «неправильной» стороны — это и есть «иностранный влияние».

Тимонов настаивает: «Здесь я тоже выбрал. Я пришел в суд за справедливостью, Ваша честь!»

Судья парирует: «Не хочу, чтобы вы сравнивали суд с «иноагентом» в этой ситуации».

Тимонов: «Почему же? Для меня это абсолютно одинаково!»

Вот она — точка разрыва.

Для Тимонова и суд, и СМИ — это площадки, где он может высказать свою позицию. Он — субъект. Он выбирает. Для судьи суд — это другое. Суд — это государство. А государство — над выбором.

Фото: Александр Коряков / Коммерсантъ

«Что это изменит в вас самом?»

Финальная часть диалога — о целях.

Судья: В целом ваше отношение к этому делу какое? Что вы ждете от суда?

Тимонов: Справедливости, Ваша честь!

Судья: Это общая фраза. Что вы ждете для себя? Что это изменит в вас самом? Вы продолжите встречи с избирателями и будете говорить о том, что у нас нет демократии, нет демократических выборов? Вы с этой целью хотите это сделать?

Вот оно. Судья прямо спрашивает: ты хочешь снять статус, чтобы продолжить критиковать власть?

Это не вопрос о законности присвоения статуса. Это вопрос о

политической лояльности. Судья хочет знать: если мы снимем с тебя ярлык — ты исправишься? Перестанешь говорить «неправильные» вещи?

Тимонов отвечает: «С целью восстановления в полном объеме своих конституционных прав, которые сейчас несколько ограничены, Ваша честь».

Судья не удовлетворен: «Но как не депутат вы можете продолжать свои выступления и давать интервью кому угодно, говорить что хотите... В чем тогда нарушены права?»

Здесь — ядро позиции суда. Ты же можешь говорить. Статус «иноагента» не лишает тебя голоса. Он просто... маркирует тебя. Обозначает. Выделяет из общей массы. Какие права нарушены?

Жалоба в Конституционный суд: что оспаривает Тимонов

После отказа Мосгорсуда Тимонов пошел дальше — в Конституционный суд. Что именно он оспаривает?

- Во-первых, положения закона, «которые допускают признание иностранным агентом лица, которое не получило иностранной поддержки в виде прямого или опосредованного предоставления денежных средств и (или) иного имущества».

Это ключевой пункт. Ни Тимонову, ни Вишневному, ни Шлосбергу не вменялось получение денег. Их признали «агентами» за «нахождение под иностранным влиянием» — то есть фактически за контакты и высказывания.

- Во-вторых, «положения, которые допускают возможность признания иностранным агентом депутата представительного органа публичной власти».

Это тоже важно. Депутат — выборное лицо. Он представляет граждан. Признание его «иностранным агентом» — это признание, что часть граждан представлена агентом иностранного влияния. Это девальвация их голоса.

Тимонов подчеркивает, что считает антиконституционным весь закон, но оспаривать может лишь те положения, «которые задела меня лично». Это требование процессуального закона: жалоба в КС должна быть связана с конкретным делом заявителя.

«Правду говорить можно кому угодно!»

Будем реалистами. Конституционный суд, скорее всего, откажет Тимонову. Либо не примет жалобу к рассмотрению, либо признает закон конституционным.

Почему? Потому что КС уже высказывался о законодательстве об «иностранных агентах» — и поддержал его. Потому что после реформы 2020 года КС институционально еще более зависим от исполнительной власти. Потому что закон об «иностранных агентах» — это политический проект, а КС избегает прямой конфронтации с политической волей Кремля.

Вероятные основания для отказа:

- Закон «не нарушает» права, а лишь устанавливает «требования прозрачности».
- Ограничения «пропорциональны» целям защиты «национальной безопасности».
- Заявитель не доказал «неопределенность» нормы, поскольку она была к нему применена (значит, достаточно определена).
- Вопрос о признании конкретного лица «иностранным агентом» — это вопрос правоприменения, а не конституционности нормы.

Если отказ предрешен — зачем подавать жалобу?

- Во-первых, исчерпание внутренних средств защиты. Для обращения в международные инстанции (ЕСПЧ, комитеты ООН) необходимо доказать, что все национальные средства защиты исчерпаны. Жалоба в КС — часть этого пути.
- Во-вторых, документирование. Жалоба фиксирует аргументы. Создает документ. История будет знать, что эти аргументы были предъявлены — и отвергнуты.
- В-третьих, публичность. Сам факт подачи жалобы — это новость. Это повод для обсуждения. Это способ привлечь внимание к проблеме.
- В-четвертых, принцип. Иногда важно сделать правильное дело, даже если результат предрешен. Важно сказать, что закон неконституционен, — даже если суд с этим не согласится.

Дело Тимонова — это микрокосм. В нем отражается все:

- Логика закона: контаминация через контакт, «влияние» как преступление мысли.
- Логика правоприменения: избирательность, политическая мотивация под видом юридической процедуры.
- Логика суда: вопросы о лояльности вместо вопросов о праве.
- Логика сопротивления: делать правильное дело, даже когда исход предрешен.

«Что такое правда?» — спрашивает судья.

«Правду говорить можно кому угодно!» — отвечает депутат.

В этом диалоге — вся драма. Человек, верящий в универсальность истины. И система, для

которой истина — функция лояльности.

Закон об «иностранных агентах» — это инструмент второй позиции. Он создает мир, в котором правда зависит от того, кому ты ее говоришь. В котором слово, сказанное «правильному» адресату, — информация, а то же слово, сказанное «неправильному», — «иностранное влияние».

Этот материал вышел в восемнадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

* Внесен в реестр «иноагентов».